

Владимиръ Мономахъ.

Междоусобіа преемниковъ Ярослава Мудраго. Со смертію Ярослава русская земля раздѣлилась на нѣсколько княжествъ. Князья стали владѣть каждый своей волостью, но завѣщаніе Ярослава не исполнили, забыли, что они дѣти одного отца и одной матери, ссорились, старшаго брата не слушали, стали заводить усобицы и проливать русскую кровь. По обычаю братъ долженъ былъ наследовать брату, и каждый князь когда-нибудь долженъ былъ сдѣлаться старшимъ, т.е. великимъ княземъ кievскимъ. Бѣда, если князь умираетъ, не достигнувъ кievскаго стола: его дѣтямъ ужь не давали волостей въ русской землѣ, считали ихъ изгоями. Изгой силой добивались своей доли въ русской землѣ.

Въ это время въ южныхъ степяхъ появился изъ Азіи новый дикій народъ — половцы. Снова не стало спокойствія людямъ отъ степныхъ враговъ. А князья среди своихъ споровъ и распрей позабыли о русской землѣ. Лишь одинъ внукъ Ярослава Владимиръ Мономахъ не походилъ въ этомъ на другихъ князей. Отецъ его Всеволодъ и мать, греческая царица, гордясь его царской кровью, прозвали его Мономахомъ въ честь дѣда, царя греческаго Константина Мономаха. Рано тогда люди начинали жить. Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Мономахъ уже принимаетъ участіе въ охотѣ и походахъ. Въ молодые годы онъ уже править большими княжествами и помогаетъ своему отцу, великому князю Всеволоду, думать о русской землѣ. Мало за это время приходилось ему сидѣть въ своемъ городѣ, рѣдко проводить ночь подъ кровлею. Съ полками своими онъ исходилъ изъ конца въ конецъ всю русскую землю: то половцевъ прогонялъ, то непослушныхъ князей усмирялъ, то помогалъ обиженнымъ. Не любилъ онъ усобицъ, самъ никогда не заводилъ ихъ и старался родичей мирить между собой. Крѣпко вѣрилъ онъ въ Божію правду и держался крестнаго цѣлованія. Посреди своихъ заботъ не забывалъ онъ людей, которыми правилъ. У него тиуны не смѣли тѣснить народъ

поборами, не смѣли обижать слабыхъ: князь самъ за всѣмъ смотрѣлъ и самъ давалъ правый судъ. Полюбили Мономаха во всей русской землѣ, и по смерти великаго князя Всеволода кievляне стали звать его на великое княженіе помимо старшаго изъ родичей, Изяславова сына, Святополка. Мономахъ подумалъ: «Если еяду я на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ», поэтому не послушался онъ кievлянъ, послалъ звать Святополка, а самъ пошелъ обратно въ свой городъ Черниговъ. За Черниговъ тогда шелъ споръ: черниговскаго княженія добивался двоюродный братъ Мономаха, князь Олегъ Святославичъ. Пришелъ онъ теперь къ Чернигову и привелъ съ собой враговъ русской земли половцевъ. Не въ первый разъ приводилъ онъ поганыхъ на русскую землю, не въ первый разъ причинялъ горе родной странѣ: оттого и звали его Гориславичемъ. Стали половцы опустошать черниговскую землю, жечь монастыри и села. Жалко стало Мономаху русской земли и отдалъ онъ Олегу Черниговъ, сказавъ: «Не хвалиться поганымъ». Горько ему было видѣть и послѣ, какъ половцы продолжали разорять Олегову землю съ разрѣшенія самого князя, который этимъ путемъ заплатилъ имъ за помощь. Мономахъ поѣхалъ въ отцовскій городъ Переяславль, мѣсто самое безпokoйное, самое близкое къ половцамъ, и много пришлось ему претерпѣть здѣсь бѣдъ, много страдать за русскую землю. Плохое житіе было въ то время и на всей Руси. Великій князь Святополкъ думалъ не о людяхъ, а только объ умноженіи своей казны, сбивалъ народъ поборами и самъ первый заводилъ усобицы. Настали тѣ времена, когда среди княжескихъ усобицъ сокращался вѣкъ людской, когда рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто вороны каркали, собираясь летѣть на добычу. Опять пришлось Мономаху за великаго князя думать о русской землѣ. Собственный сынъ его погибъ въ усобицѣ, а Мономахъ не думаетъ мстить врагамъ, наоборотъ, пишетъ письма къ князьямъ, убѣждаетъ ихъ съѣхаться и рѣшить дѣло миромъ по взаимному согласію.

Походы на половцевъ. Князья послушались Мономаха, съѣхались въ городѣ Любечѣ, крестъ дѣловали жить се-

гласно, а какъ разбѣхались по домамъ, принялись за старое. Снова Мономахъ помирилъ ихъ. Онъ одинъ понималъ, что усобицы княжескія на руку половцамъ, что распри князей помогаютъ врагамъ разорять русскую землю, и постоянно убѣждалъ своихъ родичей дѣйствовать заодно противъ общаго врага. Разъ по его просьбѣ съѣхались князья къ Долобскому озеру подумать о походѣ на половцевъ. Съѣли въ одномъ шатрѣ Святополкъ съ своей дружиной и Владимиръ съ своей. «Говори, братъ», сказалъ Святополкъ Владимиру. «Какъ я буду говорить? — отвѣчалъ Мономахъ. — Противъ меня и твоя и моя дружина: говорятъ, хотятъ погубить поселянъ и пашни. Но дивлюсь я одному, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а того не подумаете: станетъ поселянинъ весной пахать на лошади, и пріѣдетъ половчанинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей — объ этомъ вы не подумаете». Согласились все съ Владимиромъ Мономахомъ и рѣшили, не ожидая враговъ, напасть на нихъ въ ихъ землѣ.

Пришло много князей съ своими полками, и русское войнство пѣшее и конное двинулись въ половецкія степи. Послѣ четырехъ дней пути по степи сошлись съ половцами и нанесли имъ страшное поражение: двадцать хановъ ихъ убили, взяли много скота, лошадей, верблюдовъ, шатры со всеѣмъ имуществомъ и рабами и вернулись на Русь съ полною великимъ, съ славою и побѣдою. Не разъ послѣ того князья ходили на половцевъ соединенными силами и каждый разъ удачно, такъ что половцы не смѣли уже попрежнему нападать на русскія земли.

Владимиръ Мономахъ — великій князь. Когда умеръ великій князь Святополкъ, кіевляне на вѣчѣ рѣшили опять звать на великое княженіе Владимира Мономаха. «Ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій», сказали ему кіевскіе послы. Олегъ Святославичъ былъ старше Мономаха, а потому Мономахъ опять не хотѣлъ итти въ Кіевъ. Въ Кіевѣ началась смута, о Святославичахъ и слышать не хотѣли, къ Владимиру снова пришли кіевскіе послы и говорили: «Приходи, князь, въ Кіевъ; если не придешь, то знай, что много зла сдѣлается, и тогда ты дашь Богу от-

вѣтъ». Наконецъ Мономахъ согласился, пошелъ въ Кіевъ, былъ встрѣченъ митрополитомъ и всѣмъ народомъ и принятъ съ великою честью. Даже Святославичи не посмѣли спорить и признали его великимъ княземъ. исполнило желаніе народа, и великимъ княземъ сдѣлался, наконецъ, князь, котораго народъ называлъ страдальцемъ за русскую землю. 12 лѣтъ пробылъ на великомъ княженіи Мономахъ, и 12 лѣтъ миръ и тишина были на русской землѣ. Строго наказывалъ онъ непослушныхъ князей, у полоцкаго князя отнял даже волость и самого держалъ въ Кіевѣ. Особенно страшенъ онъ былъ поганымъ, и не смѣли они безпокоить русскую землю. Прожилъ онъ на свѣтѣ 72 года и съ молодыхъ лѣтъ до старости оставался добрымъ и богомольнымъ человекомъ. Щедрой рукой раздавалъ онъ сокровища, не забывая ни нищихъ, ни убогихъ, ни сиротъ, ни вдовъ. Въ домѣ у него для всѣхъ былъ ласковый пріемъ: гостя не отпускали, не одаривши. Но, несмотря на щедрость князя, казна его всегда была полна, потому что самъ онъ былъ хорошій хозяинъ и самъ за всѣмъ смотрѣлъ. И въ мирѣ и на войнѣ не довѣрялъ онъ слугамъ и воинамъ, самъ распорядился, самъ заводилъ порядки. Казалось, отъ постоянныхъ походовъ у князя не оставалось и времени на отдыхъ, а между тѣмъ, чуть окажется свободное время, князь свѣнитъ на охоту на дикаго звѣря, ланя, лося, тура, медвѣдя, волка, охоту, которая въ тѣ времена была столь же опаснымъ дѣломъ, какъ и война.

Объ этой охотѣ князь такъ рассказываетъ, въ своемъ поученіи: «Своими руками я вивалъ дикихъ коней въ пущахъ по 10 и по 20. Два тура метали меня на рогахъ съ копомъ. Олень бодалъ меня; два лося одинъ ногами толталъ, а другой рогами бодалъ. Вепрь сорвалъ мечъ съ бедра моего. Медвѣдь укусилъ меня у колѣна. И все это Богъ соблюдалъ меня невредимымъ».

Много разъ князь былъ на волосъ отъ смерти. Но Мономахъ никогда не страшился смерти, увѣренный, что «Божье олюденіе лучше человѣческаго».

Какъ онъ самъ поступалъ, такъ и сыновьямъ завѣщалъ поступать, и свою жизнь и мысли рассказалъ онъ въ «Почуеніи дѣтямъ».

Когда въ 1125 году умеръ Владимиръ Мономахъ, просвѣтившій, какъ солнце, землю русскую, народъ плакалъ по немъ, по словамъ лѣтописи, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери.